

и къ Льву Николаевичу. Онъ, какъ будто не любить аккуратности въ вещахъ, обстановкѣ и вообще во внѣшней жизни. Хотя въ большинствѣ случаевъ онъ признавалъ необходимость быть аккуратнымъ, но часто высказывалъ, что черта эта свойственна преимущественно неглубокимъ натурамъ. Самъ Левъ Николаевичъ просто не умѣлъ, а потому и никогда не пытался приводить свои вещи въ порядокъ. Раздѣваясь, онъ оставлялъ платье и обувь на томъ мѣстѣ, где снималъ ихъ, и, если онъ въ то время переходилъ съ мѣста на мѣсто, платье его оставалось раскиданнымъ по всей комнатѣ, а иногда и на полу.— Мнѣ казалось, что уложить вещи въ дорогѣ для него стоило большихъ усилий. Сопровождая его, я всегда и охотно дѣлалъ это за него и доставлялъ ему этимъ удовольствіе. Помню однажды мнѣ почему то очень не хотѣлось укладывать его вещи, а онъ замѣтилъ это и, по свойственной ему деликатности, не просилъ меня, и самъ уложилъ свой чемоданъ. Я положительно утверждаю, что умышленно нельзя привести вещи въ такой ужасный беспорядокъ, въ какомъ онѣ были уложены въ чемоданъ Львомъ Николаевичемъ.] с 8

Искренность, какъ выдающаяся черта въ характерѣ Льва Николаевича, проявлялась у него даже въ мелочахъ. Случалось мы опаздаемъ на поѣздъ, и, подѣбѣжная къ станціи, увидимъ, какъ поѣздъ уже отѣзжаетъ прочь. Левъ Николаевичъ такъ искренно и громко вскрикнетъ: «ахъ!!! опоздали!!!», что всѣ окружающіе сначала испугаются, а потомъ тотчасъ же вмѣстѣ съ нимъ засмѣются. Искренность подобныхъ его ощущеній невольно передава-